

АРИНКИНО РОЖДЕСТВО

— Ну что, Аринка, собирайся. Поедем в церкву. Рожество сегодня. Младенщика Христа славить будем.

Аринка знала, что бабушка говорит неправильно. Что нет слов «Рожество», «церква» и «Младенщик». Ей было немножко смешно оттого, как бабушка произносит эти слова, но смеяться она боялась: бабушка была строгой, могло и попасть за насмешки над старшими.

Дома ещё с конца декабря стояла искусственная ёлка, на окна мама наклеила вырезанные из бумаги ёлочки и снежинки. Они и Новый год недавно отмечали, но бабушка его за праздничный день не считала. Аринка, наоборот, не очень Рождество любила, потому что бабушка не разрешала телевизор смотреть. А какой же праздник без телевизора! Но сегодня всё же было не как всегда. Бабушка сказала Аринкиным родителям, что она, Аринка, уже большая и пора ей в храме быть на праздник.

Конечно, большая! Целых шесть лет. Аринка в этом году даже ёлку сама наряжала. А раньше ей этого не доверяли — боялись, что она стеклянные игрушки разобьёт.

Аринка ещё не знала, что такое рождественская служба в храме. Да и бабушка, откровенно говоря, подзабыла. Жили они в селе, и храма там не было. Ближайшая церковь за тридцать километров в районном центре. Туда изредка, раз в месяц, а то и в два, отвозил свою старушку-мать их сосед дядя Витя. Аринкина бабушка тоже с ними ездила. Но одно дело — служба в воскресенье, а вот на Рождество всё иначе, а как именно — бабушка подзабыла, Аринка же, понятное дело, вовсе не знала.

Баба Феша, мама дяди Вити, была почти на десять лет старше Аринкиной бабушки. Совсем сторбленная, ходившая с двумя палками, чтобы не упасть, она знала много молитв наизусть и даже акафисты. А ещё в селе жила баба Рая. Аринке казалось, что имени такого нет, и зовут бабушку так, потому что в ней есть что-то райское, а может быть, потому что она жила раньше в раю и прилетела из рая сюда, в их село. Аринкина бабушка часто рассказывала случай о том, как однажды, когда они учились в школе, у Раи учительница увидела крестик и потребовала его снять. Но Рая поступила хитро: сняла крестик с верёвочки и булавкой прицепила его с изнаночной стороны рубашки. Тогда Аринкина бабушка тоже так сделала и ходила так до тех пор, пока Аринка не родилась.

— И крестик ей надень, — сказала строго бабушка Аринкиной маме. — Нельзя в церкву без крестика.

Мама не разрешала носить Аринке крестик, потому что боялась, что ночью верёвочка, на которую он надет, передавит Аринке шею, и она умрёт. Мама пообещала, что, когда Аринка вырастет, то будет крестик носить обязательно.

— Носи, носи, — сказала бабушка, когда мама надела крестик Аринке на шею. — Он не тяжёлый.

И вот вечером, который назвался Сочельник, собрались три бабули — Аринкина, баба Рая и баба Феша — в храм. И Аринка тоже. Мать отпускала её нехотя: стоять, мол, будет ребёнок всю ночь. Всю ночь! Вот это да! Значит, и спать можно не ложиться! Аринке это понравилось, и она подумала, что Рождество не такой уж скучный праздник, ведь, как и в новогоднюю ночь, можно не ложиться спать.

Ехали они долго — на сельской дороге фонарей нет, да и сугробы никто не расчистит. Потому и ехал дядя Витя медленно. За долгую дорогу бабушки не устали: вспоминали прошлое, случаи разные. Да и Аринке скучно не было: слушать бабушкины истории было самым любимым её делом.

Церкви Аринка раньше видела только по телевизору. Они были большие, расписные, как пряники, красивые, с куполами. А сейчас Аринка стояла перед дверьми бывшего клуба, куда когда-то её

родители ходили на танцы. Купола на нём не было (деньги на него собирали уже несколько лет), да и красивым он с виду не был.

Но когда Аринка вошла внутрь, ей показалось, что она оказалась в каком-то другом, прекрасном мире. На первом этаже бывшего клуба стояла огромная ель, переливавшаяся разноцветными огнями.

Возле ели стоял вертеп больше Аринкиного роста. Она с удивлением рассматривала картонные фигурки Святого семейства. Она догадывалась, что там, в колыбели, лежит Младенец Христос, хотя не знала наверняка.

— Младенчик, — сказала бабушка, глядя на Христа.

И почему-то лицо её стало грустным. Может быть, потому что бабушка вспомнила, как придётся потом Христу пострадать, как будет Ему больно, как будет скорбеть Его Мать, Которая теперь счастливо улыбалась.

Аринка заметила, что в храме пахло как-то сказочно: ладаном и хвоей. Было почему-то тепло, хотя в храме топили слабо. Бабушки купили свечи, Аринке тоже дали свечку, и все поднялись наверх по высоким бетонным ступеням. На втором этаже был сам храм. Икон на стенах было мало, и потолок был не такой, какой Аринка видела по телевизору в других церквях — округлённый вверху и уходящий ввысь; потолок был прямоугольный, как дома. Тут тоже стояла ель, впрочем, чуть поменьше, чем на первом этаже. Она теснилась в углу, уступая место прихожанам. Всё было как-то совсем просто, и совсем не так, как по телевизору, но в то же время как-то уютно и празднично. Пожалуй, одно сходство с тем, что видела Аринка по телевизору, было в этом храме: много, очень много верующих. Кто-то благоговейно подходил к иконам, кто-то шептал молитву, ставя свечи, кто-то дружелюбно приветствовал увиденных знакомых.

Аринке было так хорошо, что она незаметно для себя стала улыбаться.

— Что, нравится? — заметив её улыбку, спросила бабушка. — Иди туда, там Младенчика славят, — сказала бабушка и подвела её к фанерной перегородке, отгораживающей часть солеи от остального храма. Там были певчие.

— Ой, девочка! С праздником! С наступающим Рождеством Христовым! — сказала Аринке какая-то женщина. Она потом будет всю службу управлять клиросом и руками что-то показывать певчим. Аринка позже узнает, что это регент хора.

Аринку поставили на солею.

— Будешь нам подпевать, — улыбаясь, сказала одна из певчих. Бабушка почему-то всплакнула, но этого Аринка не видела.

А бабушка вспомнила своё Рождество. В селе, где они теперь живут, раньше был храм во имя Святой Живоначальной Троицы. Из больших толстых брёвен срублен. Родители бабушки были верующие. Евангелие с пометами отца бабушка до сих пор в сундуке хранит. Бабушке тоже тогда было шесть лет, младшая сестрёнка, Нюра, недавно родилась, а старшие братья уже были подростками. Пожалуй, это самое раннее бабушкино воспоминание. Мама приготовила чистую одежду, которую берегли для праздника, Нюру закутала в пуховые шали, и вся семья пошла в церковь. И отец тогда сказал ей, как она сегодня сказала внучке: — Иди туда, там Младенчика славят.

Отец читал во время службы, старшие братья прислуживали в алтаре, Нюра спала у мамы на руках.

И было тепло, хотя печь в храме была слегка натоплена. И было празднично и радостно...

Больше на Рождество в храм они не ходили: на следующий год церковь разрушили, а на том месте построили ремесленное училище. А ещё в селе рядом с училищем построили интернат для беспризорников, которых привозили из окрестных сёл. Потом была война, и старшие братья пропали без вести. Евангелие с пометами прятали в сарае, где хранился корм для скота. У Нюры был хороший голос, но петь теперь приходилось перед уроками гимн СССР про Союз Свободных Республик. От греха ли свободных? Аринкина бабушка не забывала утром и вечером перед единственной иконой, которую закрывали от посторонних вышитым Нюрой рушником, шептать выученные наизусть молитвы. У Нюры был красивый почерк, и она переписывала на тетрадные листочки молитвы, которые сворачивали вчетверо и вшивали в подкладку одежды — чтобы Бог оберегал.

Нюра в юности уехала в Среднюю Азию строить новую республику. Но веру свою не оставила. Впрочем, там было проще: туда, в Среднюю Азию, Аринкина бабушка привозила крестить сначала свою дочь, Аринкину маму, а потом и Аринку.

После службы была праздничная трапеза. Все улыбались, были приветливы и радостны. И Аринке казалось, что столько улыбок и радости она никогда не видела, даже на Новый год. Впрочем, уже было с чем сравнивать. Какая же радость от большого количества съеденного, выпитого и просмотренного по телевизору? Одна усталость и боль в животике. А тут молитвы пелись, и пахло хорошо ладаном и елью, и все были похожи на ангелов.

Домой они вернулись утром. Родители Аринкины спали, и она, чтобы их не разбудить, шептала бабушке:

— Вот нам в селе тоже церковь построят, и ехать никуда не надо будет. И мы все будем радоваться и праздновать Рождество и Младенчика славить.

Бабушка кивала и тайком утирала вновь накатившуюся слезу. А мечтала она о том же, о чём и внучка.

КРАСНОАРМЕЕЦ И РОЖДЕСТВО

В свои шесть лет Аринка уже знала, что время от Рождества до Крещения называется Святками, святыми днями. Эти дни Аринке казались какими-то необычными. Необычность эта была во всём: и в пушистой ёлке, которая стояла в центре комнаты, словно желая принять всех в свои мохнатые еловые объятия; и в искрящемся на солнце снеге. И даже в том, что это были дни отдыха, ведь бабушка никому из домочадцев в святые дни не разрешала работать.

Необычными становились на Святках и самые обычные вещи. Например, портрет бабушкиного брата Григория. Григорий погиб во время Великой Отечественной войны. В Рождество на раму портрета бабушка накидывала мишуру — это означало, что брат жив в памяти родственников и празднует

вместе с ними праздник. Блестящая мишура тоже добавляла точку чего-то чудесного, какой-то необъяснимой надежды, которая жила во всех бабушкиных движениях, когда она украшала портрет.

Бабушка рассказывала, что старший брат окончил до войны двухгодичные учительские курсы и учил детей в соседнем селе. Каждый день он ходил в школу пешком, проходя по 20 километров. Началась война, и он ушёл добровольцем на фронт. С фронта он прислал маленькую фотографию, где он был в военной форме. Потом пришло известие о смерти Григория. Но никто не знал, где он погиб.

В деревянной школе подмосковной деревни зимой 1941-го обстроили госпиталь. Школьников эвакуировали, ведь сейчас война, не до учёбы, и надо лечить раненых.

У красноармейца Григория было ранение в живот. Он понимал, что, возможно, оружие больше взять не придётся, и Москву отстаивать будут его товарищи. Временами от невыносимо тяжёлых болей он впадал в забытьё. Но, когда сознание к нему возвращалось, в памяти всплывало непременно одно: родное сибирское село, хата из крепких брёвен, треск дров в печке и пылающий из неё огонь.

До войны Григорий учительствовал. В любую погоду ходил пешком в соседнее село учить детей математике. В самодельных тетрадях писали чернилами. Ох и пачкались от них! Везде были чернильные пятна: и в тетрадях, и на руках, и на одежде. Но Григорий писал без помарок, без ошибок и ровненько — буква к буквке, как и положено учителю. Сам Григорий был не женат, жил с родителями, младшим братом и двумя младшими сёстрами. Всех своих младших научил читать и писать ещё до того, как они пошли в школу. Но внезапно, как неожиданный вихрь, в их жизнь ворвалась война, и Григорию пришлось оставить свою семью и своих учеников и уйти на фронт. Далёкие от города сибирские сёла укутывало снегом до весны. Ученики ждали возвращения своего учителя. Им казалось, что растает весной снег — и учитель вновь придёт в их школу, как будто не было никакой войны, а просто из-за бурана отменили занятия.

Близилось Рождество. Григория страшила только одна мысль: вдруг он не успеет? Не успеет встретить Рождество. Рана была опасная, но он думал не о ней, а о том, как дожить до Рождества. А там как Бог даст.

Семья его была верующей, хотя в то время у власти были люди, которые Бога не любили, и порой было даже смертельно опасно исповедовать свою веру. Однако в семье Григория все были крещены, а дети научены молитвам.

Красноармеец Федя, совсем ещё юный, но без сомнений верящий в Советскую власть, которая Бога не любила, посмеивался над Григорием, над его ожиданием Рождения Спасителя.

— Григорий Иванович, ты же красноармеец. Красноармейцы не верят в Бога.

Федя был учеником Григория Ивановича. В мирное время он научил его читать. Больше учёба Федю не увлекала, и школу он бросил, а тут и война. Встретились учитель и ученик на фронте.

— Холодно, мир бел от снега, а я вижу себя идущим вместе с пастухами в ту самую пещеру, чтобы увидеть родившегося Христа, — ответил Григорий на насмешку.

— А почему с пастухами? — вдруг заинтересованно спросил Федя.

— Люди, имеющие крышу над головой, отказали в пристанище Богу. Я не хочу быть среди них. Волхвы ещё далеки от истинной веры, хоть и пустились в далёкое путешествие, чтобы поклониться Христу. А я рос в верующей семье. Мы в Сочельник лепили из теста овечек, пекли их как пряники, а потом вешали на ёлку. Поэтому я с пастухами иду в пещеру. Они Его ждали, они верили...

Григорий рассказал Феде, как они всей семьёй ходили на Рождественскую службу в их сельский храм. Храм стоял на самом высоком месте и был виден со всех концов села. В 1938 году храм закрыли, священника расстреляли. На месте храма построили ремесленное училище. Но семья продолжала верить в Бога, молитвы были заучены с детских лет, и ежедневно в семье читали Евангелие.

— Мы всегда перед выбором стоим. Враги нашего народа сделали выбор, и мы его сделали. Пастухи сделали свой выбор —

и те, кто Христа не принял, тоже сделали свой выбор. Что же из того, что я красноармеец? Пусть звёзды на нашей форме вовсе не вифлеемские восьмиконечные, а советские пятиконечные, но на войне Бог ещё ближе становится. Мне как никогда сейчас хочется дожить до Его Рождества...

В Рождественский сочельник Григорию неожиданно стало лучше. Белые губы, в которых, казалось, давно нет ни кровиночки, порозовели, а щёки налились румянцем.

Ближе к полуночи Федя, с улыбкой во всё лицо, тихонечко подкрался к койке, на которой лежал Григорий.

— Григорий Иванович, я тебе подарок принёс. С Рождеством!

И показал висящего на ниточке ангела из марли.

— Федя, что же ты наделал?! — шутиливо сказал Григорий. — Это ты, получается, у медсестры Сонечки бинт украл?

— Я ещё и картофелиной его накрахмалил, чтобы форму держал.

— Вот-вот, ещё и наших товарищей на обед картофелины лишил.

— Это же подарок. Для подарка нужно самое лучшее. Тем более для рождественского, — не сдавался Федя.

— Спасибо, Федя.

— Да что «спасибо»! Ты, главное, живи, Григорий Иванович... — и до того храбрившийся Федя вдруг заплакал.

— Я буду жить, мы все будем жить, — ответил Григорий.

Эти слова сбылись. Его не стало 12 января, между Рождеством и Крещением, на Святках, но он остался жить в памяти своих родных.

Когда Аринка вырастет, она узнает, что дядя Гриша погиб в битве за Москву, что похоронен в общей могиле подмосковной деревни, где устроен памятник-мемориал в честь защитников Москвы. Этот памятник, как и положено, увенчан пятиконечной звездой. Но по обе стороны братской могилы, словно два стражника, растут могучие дубы. Кто-то нарисовал на их коре золотой краской православные кресты. Аринкиной бабушки к тому времени на свете уже не будет, но память о герое их семьи будет жить из поколения в поколение. И каждый год под дубами-стражниками, на которых выведены кресты, будет праздновать Рождество красноармеец Григорий.